

Точка ноль

Ирина Киселева

Ирина Киселева

Точка ноль

<https://litres.ru/74250108>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы привыкли верить, что жизнь — это прямая линия, ведущая только вверх. Но у реальности другие планы.

«Точка ноль» — это моя история. Честные воспоминания о том, как жизнь раз за разом обнуляет твои результаты и жестко сдергивает обратно на старт. Ты можешь пахать 24/7, подняться с самого низа, запустить бизнес и выстроить стабильность. Но реальность выбивает почву из-под ног, и ты снова просыпаешься в исходной точке. Начинаешь с абсолютного нуля, когда за спиной остаются только сожженные мосты.

Зачем нужен этот изнурительный бег по кругу? Что на самом деле дает вечное обнуление? Это книга о выживании и внутренней силе. О том, что истинное «я» собирается не на вершине, а на пепелище прежней жизни. Когда понимаешь: точку нуля невозможно победить, но её можно сделать топливом для масштабной трансформации.

Содержание

Глава 1. Вспышка лета	4
Глава 2. Юный азарт	10
Глава 3. Ледяной игнор	18
Глава 4. Пороховой дым	29
Глава 5. План маневра	46
Глава 6. Рекламный марафон	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Точка ноль

Глава 1. Вспышка лета

В восемнадцать лет о будущем вообще не паришься. Какое там завтра, вы о чем? В голове крутится мультяшная картинка: я — успешная бизнес-леди на крутой тачке рассекаю по городу. Мой мозг в те годы вообще отказывался моделировать трудности, взрослые проблемы или реальные шаги к этой цели. В юности это кажется настолько естественным, будто мир обязан выкатить тебе всё на блюдечке прямо по факту рождения. Жизнь виделась огромной коробкой с драгоценным подарком, обернутой шелковыми лентами. Я стояла перед ней, лениво ковыряла бантик идеальным ногтем с безупречным свежим маникюром и думала: «Ну давайте, открывайтесь уже, удивляйте меня, я жду свой триумф!» Вся моя реальность тогда состояла из ожидания этого праздника, который должен был начаться сам собой.

То лето вообще было сумасшедшим коктейлем из раскаленного асфальта, соленых брызг, которые за секунду засыхали жесткой коркой на коже, въевшегося в одежду запаха шашлычного дыма и приторных духов отдыхающих на набережной. Плотная южная жара висела над побережьем сутками, не давая перевести дух даже ночью.

Я устроилась официанткой в загородный санаторий РЖД.

Работа, конечно, адская, выжимала все соки, без нормальных выходных. Двенадцать часов на ногах, подносы тяжёлые, стальные — края буквально режут ладони, к концу смены пальцы сводит судорогой от бешеного напряжения. Мышцы спины к полуночи превращались в сплошной натянутый узел, а ноги гудели так, что каждый шаг давался через силу. Курортники — отдельный вид искусства, каждый первый со своими капризами и желанием показать себя важной персоной. Требовалось постоянно подстраиваться, терпеть надменные взгляды людей, приехавших тратить деньги, и натягивать вежливую маску ради выполнения обязанностей.

Но статус нашего санатория очень сильно отличал его от остальных мест на побережье. Туда невозможно было попасть просто так, с улицы. Закрытый, узкий круг для богатых, статусных и вежливых людей. Никаких пьяных драк и хаоса, всё чинно и дорого. Безупречные газоны, дорожки, выложенные плиткой, и вежливые улыбки персонала создавали иллюзию идеального заграничного курорта. Благодаря этому у меня каждый божий день были нереальные чаевые. Мы с девчонками складывали шуршащие купюры в карманы и чувствовали себя королевами жизни. Наличие собственных, честно заработанных денег дарило пьянящее чувство автономии. Мы гуляли на свои, собираясь обособленной компанией, и абсолютно ни от кого не зависели. Родительский контроль остался где-то далеко, за пределами этой

прибрежной зоны. Жили мы там же, на территории санатория — нам выделяли комнаты на несколько человек в служебном корпусе. И знаете что? Было абсолютно наплевать на усталость, в жилах горел адреналин, мне ведь было всего восемнадцать! Молодость прощала ночной недосып и дневной физический прессинг.

Едва доползая до нашей тесной подсобки в конце смены, мы наперегонки смывали под краном липкую кухонную копоть. Запах общепита, фритюра и чужих недоеденных порций въедался в кожу, и от него хотелось избавиться быстрее всего. Секунда — губы покрашены фруктовым блеском, прыгали в самые короткие юбки — и всё, утомление как ветром сдувало! Внутренний тумблер мгновенно переключался на режим полной свободы. Ноги, которые еще пять минут назад ныли, сами несли меня в клуб на территории соседнего санатория. Идти было всего ничего, минут пять легким шагом прямо по ночному пляжу. Крупная галька шуршала под тонкими подошвами босоножек, море дышало в темноте густым теплом и обдавало лицо прохладным бризом. Огромная черная вода шумела слева от нас, накатывая на берег ленивой пеной, а впереди уже светились неоновые огни дискотеки.

Вот там, внутри клуба, реально сносило крышу! Мощные басы так сильно пульсировали по залу, что грудная клетка ходила ходуном, а сердце мгновенно подстраивалось под этот сумасшедший ритм. Воздух внутри был пропитан сме-

сю алкогольных паров, сигаретного дыма и дешевого тумана от дым-машины. Это была единственная нормальная дискотека на весь район, и туда каждый вечер стекались вообще все: и местные пацаны, и толпы отдыхающих. На танцполе царило сплошное человеческое месиво,двигающееся в едином темпе под стробоскопы.

Приезжие девчонки ловили совершенно улетный вайб — шумные, веселые, при полном параде, на огромных каблуках и с одной конкретной целью: поймать удачный съем на одну ночь. Их вульгарное кокетство и доступность вызывали у меня лишь снисходительную улыбку. Мне на них было плевать. На фоне этой голодной толпы у меня внутри включалась фирменная, железобетонная гордость. Меня откровенно раздражали пьяные подкаты от парней, у которых на лбу было написано про приключения до утра. Никакого желания становиться чьим-то мимолетным трофеем в курортном романе у меня не возникало. Местные пацаны вообще приходили на танцпол как на охоту — лениво ходили между столиками и высматривали, кто попроще, в поисках легкой добычи. Их оценивающие, сальные взгляды вызывали у меня брезгливость, от одного этого зрелища наизнанку выворачивало.

Я упрямо держалась в стороне от общего конвейера. Включала режим неприступной королевы, куталась в свой снобизм, как в лучшую в мире защитную броню, и предпочитала оставаться красивой тенью в углу. Мой холодный взгляд

мгновенно остужал любого, кто пытался подойти ближе положенного. У нас была своя, очень закрытая городская компания. Мы держались стаей, общались, смеялись, танцевали только друг с другом и никого постороннего близко не подпускали. Мы пришли просто оторваться под музыку, и искать ухажёров ради бесплатного бокала коктейля нам было не нужно. Нам хватало собственного драйва и своих денег в карманах.

А за диджейским пультом там стоял Мишка! Мой одноклассник, представляете, какая ирония судьбы. В школе он был самым обычным, ничем не примечательным пацаном, на которого я даже не оборачивалась, а тут, в сигаретном дыму и бликах световых приборов — настоящий бог неона, местная звезда первой величины! Модный, стильный, стрижка волосок к волоску, глянцева́я улыбка до ушей. Вокруг его пульта вечно крутилась стайка приезжих девиц, готовых на всё ради его внимания, а он просто купался в этих лучах славы, лениво перебирал диски и высокомерно разглядывал толпу на танцполе. Из колонок на полную мощность била пляжная попса, от которой вибрировал бетонный пол под ногами. Миша ловил этот всеобщий кайф и чувствовал себя хозяином этой ночи.

У меня не было вообще никакой цели к нему подклеиться или как-то выделиться, моя женская гордость не позволила бы мне встать в общую очередь за его улыбкой. Я смотрела на симпатичного мальчика ровно и спокойно — ноль

эмоций. Пару раз за лето я всё-таки подходила к его пульта, даже с бокалом коктейля в руке, просто чтобы вежливо, по-соседски поздороваться: — Привет, Миш! Он дежурно, на автомате кивал, мазал по мне коротким равнодушным взглядом сквозь полумрак и тут же продолжал сканировать других, более доступных девчонок. На его фоне я реально чувствовала себя абсолютно прозрачной. Невидимка первого уровня, пустое место у стены. Мое присутствие в его поле зрения не вызывало у него ни малейшего интереса, и этот холодный факт я фиксировала со спокойным равнодушием.

Если бы мне тогда, когда я стояла в углу этого пляжного бара, сказали, что спустя пятнадцать лет судьба намертво, бесповоротно свяжет нас с этим улыбающимся диджеем Мишей, я бы просто покрутила пальцем у виска и рассмеялась этому человеку в лицо! Это казалось нелепым, невозможным бредом, ведь мы существовали в параллельных, никак не пересекающихся плоскостях. Но тот сезон как-то резко закончился, курортники разъехались, дискотеки утихли, пляж опустел, и я вернулась к своей обычной жизни, полностью забыв об этом лете.

Глава 2. Юный азарт

Прошел ровно год. Девятнадцать лет — это самый сок и одновременно опасный, непредсказуемый возраст, когда тормозов в голове нет вообще, страх отсутствует, а собственное эго раздуто до размеров далекой галактики. Моя уверенность в собственной неотразимости тогда граничила с наглостью.

Я приехала на каникулы к бабушке в деревню. Скукотища там стояла смертная, дни тянулись серой, унылой лентой. Деревенский застой душил, и от этой невыносимой тоски я ввязалась в историю, которая перевернула вообще всё.

Мы сидели с подругой Дашей в нашей местной молодежной точке — душном, забитом до отказа деревянном кафе у реки, которое одна местная семья построила своими собственными руками. Народу внутри было — тьма, пахло разлитым пивом, чипсами, едким сигаретным дымом, а музыка громко грохотала из старых, хрипящих колонок. От этих басов дребезжали оконные стекла. Мы, девчонки, приехавшие из города, всегда были на диком марафете, ухоженные, красивые, стильно одетые — мы просто неизменно оказывались в центре всеобщего внимания по сравнению с местными деревенскими сверстницами.

Даше тогда безумно, до дрожи нравился один парень, Лё-

ша. Но он был жутко скромным, зажатым и вообще не обращал на неё никакого внимания, сколько бы мы туда ни приезжали. Подруга из-за этого сильно комплексовала, грустила, и в какой-то момент мне эта тягомотина просто надоела.

— Да блин, — говорю я ей.

— Да сколько можно страдать? Любого парня в этом мире можно завоевать, если захотеть. Моя гордость требовала доказать это прямо на месте.

И тут Даша поворачивается ко мне, глаза горят азартом, на лице хитрая такая ухмылочка. Она толкает меня локтем: — А спорим, что ты не сможешь влюбить в себя первого, кто сейчас зайдет в эту деревянную дверь? Вот вообще любого, кто переступит порог. Слабо тебе?

У меня внутри аж подпрыгнуло всё от такого вызова. Мне. Слабо. Да никогда в жизни. Моё упрямство мгновенно заглотило наживку. — По рукам, легко, — кидаю я и задорно бью с ней по ладоням.

И в эту же секунду старая деревянная дверь с жутким, пронзительным скрипом распахивается. На пороге в клубах уличного воздуха вырастает Семён. И тут у меня внутри просто всё падает куда-то в пятки, сердце пропускает удар, а по спине пробегает реальный, леденящий мороз. Это был родной брат-близнец того самого Лёши. Только Лёша был мягкий, добрый и покладистый, а Семён — настоящий ураган, сносящий всё на своем пути. Местный авторитет, парень с тяжелым, пугающим волчьим взглядом и такой репутацией,

что от одного его имени дрожала вся округа. Его боялись до смерти, и я в том числе испытывала перед ним дикий, первобытный страх. Мои мысли лихорадочно метались, ища выход из этой капканной ситуации.

К тому же у них двоих была единственная на всю их компанию машина — старая красная «пятёрка», из окон которой постоянно, на разрыв колонок орал Баста. Ребята были гонщиками, обожали на бешеной скорости гонять по ночным узким трассам, в общем — считались самыми крутыми и опасными парнями на районе. Но отступить мне было поздно, моя упрямая гордость просто не позволяла мне трусливо включить заднюю передачу и сдаться перед подругой. Я сделала глубокий вдох, мысленно приказала себе: «Так, Ира, соберись, ты лучшая, у тебя всё под контролем», поправила волосы и включила всё своё врожденное обаяние на полную мощность. Никакой пошлости, упаси боже — только тонкая игра взглядов, едва заметная полуулыбка, неуловимая женская уверенность в себе, которую я натянула как маску.

К концу вечера этот «опасный хищник», напрочь позабыв о всей своей уличной суровости и авторитете, уже преспокойно сидел за нашим столиком, ловил каждое мое слово и всю флиртовал, превратившись в самого обычного, по уши влюбленного мальчишку. Спор я выиграла в одни ворота, Даша только рот открыла от изумления.

По условиям нашего пари я должна была просто повстречаться с ним две недели для галочки, выиграть спор, и на

этом закрыть тему. И вот, когда эти две недели пролетели, Семён, как обычно, привез меня поздно вечером к дому моей бабушки. Машина заглохла, в салоне повисла тишина, я повернулась к нему и спокойно, абсолютно ровным голосом сказала, что всё, мы расстаемся, наши две недели вышли. И тут этот суровый парень, которого боялся весь район, просто закрыл лицо руками и заплакал. Прямо там, в салоне своей красной машины под тихое шуршание кассеты. В эту секунду у меня внутри всё перевернулось от жалости и шока. Я вдруг отчетливо поняла, что за всем этим уличным пафосом, гонками и волчьим взглядом скрывается совсем другой человек — удивительно добрый, ранимый и трогательный. Мне стало его до безумия, до удушающей боли жалко. Появилось непреодолимое желание защитить эту его внезапную уязвимость.

В общем, расстаться у меня не получилось, мы продолжили встречаться дальше. Потом, конечно, в эту жалость вплелись и настоящие юношеские чувства, и безумные эмоции, и страсть. На нас смотрели вообще все вокруг, раскрыв рты, и вся округа была уверена, что мы — это теперь вместе и навсегда. Наша любовь полностью укротила и подчинила себе этот местный ураган.

Правда, наша деревенская романтика и ночные гулянья постоянно и жестко прерывались моей строгой бабушкой. Она была женщиной старой закалки, суровой и непреклонной. Стоило мне хоть немного задержаться на дискотеке в

этом кафе у реки, как бабушка лично прибегала туда посреди веселья, находила меня в толпе и прилюдно вела домой чуть ли не за волосы, а иногда и с хворостиной в руках для пущей убедительности. Мне в эти секунды было невыносимо, до слез стыдно перед друзьями, ведь я-то считала себя уже капец какой взрослой, самостоятельной городской девчонкой. А тут тебя, как школьницу, конвоируют через всю деревню. Но бабушка шутить не любила, и её авторитет был непререкаем. Её тяжелые шаги по гравию заставляли всю молодежь мгновенно замолкать.

Примерно через год или полтора этих бурных, изматывающих отношений мы с Семёном приняли решение сделать серьёзный шаг и жить вместе. Сначала съехались в этой же деревне, в частном доме его родителей. К тому времени я уже устроилась работать в банк, и начался мой личный адский квест. Вставать приходилось на самом рассвете, в утренней темноте, ехать на работу было крайне далеко, долго и некомфортно, автобусы ходили через раз, а возвращалась я обратно в деревню уже глубокой ночью. Особенно сурово и невыносимо стало зимой, когда горные дороги заносило снегом и превращало в зеркальный гололед. Холод пробирал до костей, пока я стояла на остановках. В итоге, устав от этого изнурительного марафона, мы перебрались в посёлок к моей маме, в её дом. Но прожили там совсем недолго, буквально несколько месяцев — двум хозяйкам и молодому парню на одной территории было тесно. Мы

приняли решение окончательно уйти на вольные хлеба, съехали и сняли комнату в общежитии — ту самую крошечную, спартанскую двенадцатиметровую конуру с раковиной в углу и вечно урчащим холодильником, куда судьба по какому-то странному кругу через много лет вернет меня.

В этой общаге и начался наш первый настоящий совместный быт, который очень быстро и больно расставил все точки над «и». Семён вообще не работал. Ну, то есть в принципе никогда в жизни не имел нормальной, стабильной работы. Он постоянно сидел дома, плевал в потолок и перебивался какими-то мелкими, редкими временными шабашками от случая к случаю. Денег в нашей семье не было от слова совсем, в карманах выл тоскливый ветер. Нам не хватало ни на что, мы жили в дикой, удручающей нужде, не могли позволить себе никаких заведений, кафе, нормальной одежды или поездок. Нашим единственным доступным раем оставался бесплатный отдых на дикой природе у реки, лето, солнце и чистые юношеские эмоции, которыми мы пытались заглушить бытовую серость.

При этом Семён дома проявлял чудеса хозяйственности: он до блеска мыл полы, готовил еду, убирал, его заботы и внимания в моей жизни стало даже слишком много, она начала душить. Он постоянно приезжал к моему банку в мой обеденный перерыв только ради того, чтобы просто полчас молча постоять со мной на балконе, заглядывая в глаза. Хотя мы и так жили вместе в одной крошечной комнате, его

присутствие заполнило всё пространство. Но как мужчина, как опора, как сильный мужской стержень и финансовый защитник он для меня просто полностью перестал существовать. Глухое отторжение и раздражение копились внутри меня днями, выжигая остатки девчонки. Я смотрела на его вымытые полы и понимала, что эта стерильность не заменит мне мужской защиты.

Апогеем этой скрытой бури стала моя дикая, отчаянная и злая хотелка. Назло нашей нищете, назло этим серым стенам общаги я сорвалась и заявила ему, что безумно хочу дорожную брендовую сумку Сен-Лоран и очень красивые, предельно дорогие кожаные сапоги из модного магазина. Мне в тот момент было вообще не стыдно перед ним, не жалко его чувств, я просто топнула ногой и выставила этот жесткий, невыполнимый каприз, уверенная, что он провалится. Но Семён умудрился принести мне и эту сумку, и эти сапоги уже через день, сияя от гордости. Я сначала обрадовалась, а потом докопалась до правды и узнала, что он не заработал ни копейки, а просто пошел к своей матери и беззастенчиво взял у неё последние, кровные сбережения, чтобы ублажить мою прихоть. В этот момент внутри меня что-то окончательно, со страшным треском перегорело и покрылось льдом. Смотреть на взрослого здорового мужика, который ради шмоток просит деньги у собственной матери вместо того, чтобы пойти вкалывать, было невыносимо. Он стал вызывать у меня стойкое психологическое отторжение.

Финальная точка в этой истории была поставлена прямо там же, на кухне этого унылого общежития. Семён подошел ко мне посреди кастрюль, встал на колени, протянул кольцо и сделал официальное предложение. В моей глупой девчоночьей голове тогда крутилась дурацкая мысль, засевшая с детства, что от самого первого предложения в жизни отказываться нельзя, это навлечет беду. Но почему мне тогда никто из взрослых не сказал, что за этим согласием стоит реальная, тяжелая семейная жизнь, а не просто красивая картинка. В общем, поддавшись этому глупому страху, я на автомате согласилась и приняла кольцо. Но уже через несколько дней, проснувшись утром в этой тесной конуре, я отчетливо поняла, что совершаю колоссальную ошибку и буквально хороню себя заживо. Я стремительно росла, менялась, умнела, мне хотелось взрослеть, зарабатывать и двигаться вперед, к масштабным целям, а он навсегда застрял на месте в своем подростковом безделье. Мне было безумно, до слез жалко его, его разбитые надежды, но пути назад не было, я задыхалась в этих двенадцати метрах. Я просто собрала все свои сумки и ушла навсегда, оборвав все нити. Я вернулась в дом к маме, а Семён в полной растерянности собрал свои вещи и уехал обратно в деревню к своим родителям. Наши качели сломались окончательно.

Глава 3. Ледяной игнор

Наступило новое, жаркое лето. Моя близкая одноклассница Юля тогда всюду встречалась со своим парнем у себя на районе, и они вдвоем, глядя на мое одиночество, твердо решили во что бы то ни стало познакомить меня со своим хорошим другом, Сашей. Я после тяжелого разрыва со Семёном вообще не хотела никаких отношений, мужчин и свиданий, меня от одной мысли об этом воротило. Видя мое глухое сопротивление, ребята решили действовать хитростью и провернули этот заговор в полной тайне от меня. В один из самых обычных летних вечеров Саша просто как бы случайно приехал на машине в нашу общую компанию на районе. Так мы с ним все-таки познакомились. Мы начали регулярно, почти каждый день тусоваться все вместе по вечерам большими компаниями, но между нами не было вообще никакого романтического подтекста или флирта — просто шапочные знакомые, привет-пока. Он абсолютно не горел ко мне никаким пламенем, не строил глазки, да и я смотрела на него совершенно ровно, как на пустое место.

Чуть позже Юля устроилась работать в небольшое прибрежное кафе, которое принадлежало Сашиной маме, и начала буквально уговорами и силой затаскивать меня туда на свободную должность бармена. В итоге я сдалась и пошла

работать за стойку. Там, в пространстве бара, мы с Сашей уже начали видаться регулярно, лицом к лицу каждую смену.

После эмоциональных качелей и детского инфантилизма Семёна, Саша производил совершенно иное впечатление. Собранный, безупречно опрятный и сдержанный, он транслировал абсолютную уверенность. Он обладал жестким внутренним стержнем, благодаря которому выглядел серьезнее своих лет. В его присутствии возникало редкое ощущение структуры и порядка. Мне казалось, что это и есть та самая долгожданная надежность, способная защитить от любых внешних неурядиц. Но одновременно с этим от него всегда исходила пугающая, тяжелая волна скрытой, подавленной агрессии, характер пороховой бочки. Он демонстративно, свысока делал вид, что меня вообще не существует в природе, я была для него прозрачным воздухом за стойкой. И вот этот его полный, ледяной игнор постепенно, неделя за неделей, начал вызывать во мне лихорадочный интерес. Меня это жутко, до глубины души цепляло по-женски. Я ведь со своей внешностью, гордостью и стальным характером вообще никогда в жизни до этого момента не знала мужских отказов или равнодушия, все парни всегда были у моих ног.

Эмоциональное напряжение между нами росло, воздух в кафе можно было резать ножом. Сашина так называемая сестренка, дочь директора санатория, постоянно подливала масла в этот огонь сплетен, прибегая ко мне к стойке, заказывая кофе и вкрадчивым шепотом накручивая меня: —

Ир, держись от него подальше, он сумасшедший, эгоист и неуравновешенный психопат, он тебя просто уничтожит.

Она откровенно расчищала себе дорожку к нему, а я медленно сходила с ума в этом душном треугольнике интриг и собственного глухого, чисто физического страха перед Сашей. Мне нужно было срочно сделать глоток свежего воздуха и вырваться из этой клетки.

Бросив смену посреди рабочей недели, я решила сбежать от этого мандража и уехала со всей этой кашей в голове в деревню к бабушке, прихватив с собой Дашу. Буду честна: в глубине раненой души я отчаянно, тайно надеялась встретить там Семёна. Мне хотелось снова поймать его старый, преданный, влюбленный взгляд, чтобы вернуть себе былую уверенность, залечить уязвленное Сашиним игнором эго и вернуть контроль над жизнью. Но вместо Семёна в местном кафе к нашему столику подошла моя знакомая, с которой мы раньше тепло общались. На лице её читались испуг, стыд и глубокое смущение, она мялась, прятала глаза, а потом тихо, почти мертвым шепотом выдала мне в лицо: — Ирочка, ты Семёна больше не ищи и не жди, моя дочь беременна от него, они женятся как ей исполнится 18.

Бум. Оглушительный, леденящий удар в солнечное сплетение, от которого у меня в глазах потемнело, а воздух разом вышибло из легких. Будущей невесте Семёна едва исполнилось шестнадцать лет. Она была самой младшей девочкой из нашей старой компании, моей бывшей подружкой,

над которой Семён при мне всегда пренебрежительно подшучивал, высмеивал и вообще не воспринимал всерьёз. Какая же это была дешёвка. Вся эта деревенская идиллия рассыпалась прахом.

Я всегда знала, что эта маленькая девочка все время нашего общения изо всех сил старалась быть похожей на меня во всем: она красилась точь-в-точь как я, копировала мои жесты, а когда я отдавала ей свои старые вещи, она с гордостью носила их, пытаясь натянуть на себя мой образ. В моих глазах да и по факту она была глупым, несмышленым ребёнком. Но этот грязный, абсурдный финал наших некогда чистых отношений в одну секунду, словно тяжёлым тумблером, выжег внутри меня абсолютно все, что у меня когда-то было к Семёну. Боль была острой, но этот человек был просто навсегда стерт и вырезан из моей вселенной.

Я продолжала неподвижно сидеть за деревянным столиком кафе, тупо глядя в одну точку перед собой и не замечая шума вокруг, когда в сумке требовательно и громко заорал телефон. На экране вспыхнуло имя Саши. Я взяла трубку, и его голос на том конце провода впервые за все это лето прозвучал непривычно мягко, даже бережно и заботливо: — Ира, привет, мне срочно нужно ехать по делам в Ростов, прямо сейчас, в ночь, дождь стеной, я безумно боюсь уснуть за рулем в темноте, поехали со мной штурманом?

Для меня этот звонок в ту секунду стал реальным спасательным кругом, брошенным прямо в ледяную воду мое-

го оглушительного, звящего одиночества после новости о Семёне. Мне нужно было срочно бежать отсюда, забыться, смыть этот позор и доказать самой себе, что я жива, желанна, красива и кому-то на этом свете нужна. — Поехали, — коротко ответила я.

Я торопливо накинула обычную белую футболку, белые спортивные велосипедки, и мы сорвались в ночь.

В замкнутом, душном пространстве автомобиля, летящего на огромной скорости сквозь ночную черную трассу под проливным, бьющим по стеклам дождем, весь мой летний страх перед Сашей куда-то бесследно испарился. Меня полностью отпустило. Я расслабилась, шутила, громко смеялась, жестикулировала — я наконец-то была настоящей, теплой, живой и невероятно притягательной девчонкой. Саша впервые увидел меня без этой напыщенной маски ледяного, неприступного бармена и просто всю дорогу, не отрываясь, как замороженный, не сводил с меня глаз. Его взгляд в полумраке приборной панели казался гипнотическим.

На обратном пути, когда черное небо уже начало стремительно сереть, уступая место чистому, прозрачному дню, он плавно припарковал машину на обочине пустой трассы, заглушил мотор, медленно повернулся ко мне и тихо, но очень весомо сказал: — Давай будем встречаться, я серьезно.

Бешеного, ураганного трепета внутри меня в эту секунду не вспыхнуло, эта искра полностью перегорела в том кафе и у реки. Но мне жизненно необходимо было закрыть этот

гештальт. Мне нужно было залечить свежую, кровоточащую рану, спрятаться от предательства прошлого и укрыть свои израненные чувства за этой сильной, надежной и жесткой мужской спиной. Мне казалось, что с ним я буду в абсолютной безопасности.

— Давай, — тихо ответила я, делая решительный шаг навстречу новой жизни и даже не представляя, в какую страшную драму и бытовой кошмар я добровольно вляпалась из-за своего глупого упрямства.

После той безумной ночной поездки в Ростов наша жизнь с Сашей не просто завертелась, нас будто со свистом затянуло в какой-то мощный, неуправляемый водоворот. Мы проводили вместе каждую свободную минуту, отлипнуть друг от друга не могли физически, сходили с ума от этих новых эмоций. Его мама была в абсолютном восторге от нашего союза. Она сразу увидела во мне ту самую внутреннюю силу, стержень и характер, которые могли бы наконец-то направить ее вспыльчивого, неуправляемого сына в нужное русло.

А вот моя мама сразу, с первой же секунды почуяла неладное. Материнское сердце — это какой-то безошибочный радар, его не обманешь никакими красивыми словами. Она сразу увидела эту его скрытую, глухую агрессию, деспотичные замашки, этот тяжелый взгляд и буквально умоляла меня: — Ира, остановись, одумайся, пока не поздно, ты совершаешь страшную ошибку.

Дома из-за этого начался настоящий, удушающий ад. Бес-

конечные материнские слезы, взаимные упреки, крики и тяжелые, выматывающие разговоры до самого утра на кухне. Но во мне тогда слишком сильно бурлило это глупое, упрямое эго, гордость и подростковый максимализм. Любые ее мудрые советы я воспринимала в штыки, как прямую попытку сломать мою волю, навязать свое мнение и ограничить мою свободу. Чем сильнее мама просила и умоляла меня разойтись с ним, тем отчаяннее я вставала в позу и хотела доказать всему миру: «Да я сама все знаю, я сама строю свою судьбу, не лезьте ко мне». Вся эта домашняя война только подливала масла в огонь моего упрямства.

В один из дней, окончательно вымотавшись от этих бесконечных домашних войн и скандалов, я просто не выдержала. Психанула, собрала все свои вещи в охапку и сорвалась из дома мамы. Мы с Сашей сняли квартиру на десятом этаже в панельной высотке. Это были типовые, строгие военные высотки, которые стояли на каком-то глухом отшибе, абсолютно далеко от цивилизации и нормального города. Там не было вообще ни одной живой души знакомых, кругом только серый бетон и чужие лица. Невидимая клетка со свистом захлопнулась за моей спиной, причем я сделала этот шаг абсолютно добровольно, с гордо поднятой головой. Началась моя так называемая взрослая, самостоятельная жизнь.

Когда мы впервые переступили порог этой квартиры на десятом этаже, нас встретил тотальный, удручающий минимализм голых стен. Там не было вообще ничего, даже про-

стенного кухонного гарнитура, не говоря вообще о какой-то мебели. Абсолютная, серая пустота, в которой из удобств были только унитаз и старая, облупившаяся ванна. Благо, в комнатах был сделан хотя бы минимальный косметический ремонт, обои чистые, так что стены мы переклеивать не стали. Но всю мебель, технику и утварь нам пришлось покупать абсолютно самим, с нуля. Мы обставляли это жилье на ходу, обустривали каждый угол, покупая все своими силами, начиная от кровати и заканчивая элементарными ложками и вилками для кухни. Слава богу, деньги на этот масштабный закуп у нас на тот момент были, финансово мы крепко стояли на ногах. Я продолжала вкалывать барменом на побережье, смывая по ночам липкий сироп со стойки, а Саша успешно служил в органах, так что средства позволяли ни в чем себе не отказывать. Мы тратили деньги легко, пытаясь заставить эти голые стены выглядеть обжитыми.

Но ловушка этого переезда заключалась в другом. В точно такой же соседней военной высотке, буквально в двух минутах от нас, квартиру снимала его мама. Для нее это стало официальным, легальным приглашением к тотальному, ежедневному контролю над нашей жизнью. Ощущение, что ты постоянно живешь под прицелом чужого, оценивающего взгляда, не покидало меня ни на минуту. Плюс ко всему, лифт в этой панельке не работал никогда. Это была отдельная, изнуряющая физическая пытка каждый божий день — подниматься на такую высоту на своих двух. Но серые сте-

ны высоты давили все сильнее, превращаясь в настоящую тюрьму. Шаги по лестнице отзывались гулом в коленях.

Очень скоро, буквально через несколько месяцев после этого суматошного переезда, я поняла, что беременна. Внутри меня зародилась новая, крошечная жизнь. Но вместо абсолютного, летящего счастья и бабочек в животе, которые должна чувствовать девчонка в такой момент, я ощутила только глухую и тяжелую тревогу. Мой внутренний голос, который я так упрямо, со всей своей дурью глушила все это время, теперь отчетливо и громко шептал мне каждую ночь в темноте съемной спальни: «Ира, этот брак ненадолго, ты здесь временно, это страшная ошибка». Каждое утро я просыпалась с этим холодным осознанием катастрофы в груди. Мне до безумия, до слез хотелось все бросить, развернуться и уехать обратно в тихую гавань к маме. Но признать это перед ней, показать, что я сглупила, приползти на коленях после всех моих громких криков? Ну уж нет. Моя упрямая гордость и этот затяжной домашний скандал сожгли все мосты. Пути назад не было, я сама заперла себя в этой клетке и теперь должна была стиснуть зубы, терпеть и идти до самого победного конца, изо всех сил создавая видимость благополучия.

Я знаю, о чем вы сейчас спросите меня. Вы, люди, которые читают эти строки, наверняка остановитесь здесь, недоуменно покачаете головой и зададите один-единственный, логичный вопрос: «Ира, ну если ты уже тогда прекрасно понимала

и видела, с кем именно ты связалась, то почему ты сразу не ушла от него? Почему осталась в этой пустой бетонной коробке?» И у меня есть для вас честный, пугающий своей простотой ответ. Меня держал глухой капкан собственной девчоночьей гордости. С каким диким боем, слезами и криками я забирала свои вещи из маминого дома. Как я кричала ей в лицо, что сама все знаю и сама строю свою судьбу. Вернуться обратно через пару месяцев после этих домашних войн, приползти на коленях и признать перед мамой, что я сгруппировалась, а она была права? Ну уж нет. Моя упрямая гордость намертво сожгла все мосты позади меня. Мне было невыносимо стыдно даже подумать о капитуляции. Пути назад для меня просто не существовало, я должна была идти до самого конца, делая вид перед всем миром, что у меня все идеально.

Новая реальность начала диктовать свои условия сразу, как только пустая кухня обзавелась новеньким гарнитуром. Саша оказался человеком с тяжелым, монолитным характером, который принципиально не гнулся ни под какие бытовые компромиссы. В его голове существовал один-единственный стандарт порядка: хочу так и никак иначе. Он требовал, чтобы я вела хозяйство и готовила точь-в-точь как его мать, и любое мое блюдо подвергалось дотошному, брезгливому анализу. Если какая-то мелочь лежала не на своем месте, он не считал нужным разговаривать, спорить или читать нотации. Он просто вообще не церемонился, уничтожая то, что не соответствовало его выверенным правилам. Шкафчи-

ки захлопывались с грохотом, если тарелка стояла под неправильным углом.

В один из самых обычных вечеров я приготовила огромную, пятилитровую кастрюлю свежего, наваристого борща. Аппетитный запах стоял на всю кухню. Саша зашел, молча подошел к плитке, смерил кастрюлю ледяным взглядом и заглянул внутрь. На его лице отразилось полное отвращение — суп был сварен не по рецепту его матери. В абсолютном молчании, не произнося ни единого слова, он спокойно поднял эту тяжелую, наполненную до самых краев горячим борщом емкость и целенаправленно вышел на балкон. Одним мощным, точным движением он перекинул ее через перила и швырнул вниз, с десятого этажа, прямо в темноту лесного массива под нашим домом.

Несколько секунд я стояла не дыша, оцепенев, пока в ночной тишине затихал жуткий свист летящего металла, а затем из темноты раздался далекий, глухой удар о землю. Саша так же молча вернулся в комнату, плотно прикрыл за собой балконную дверь. Сердце колотилось где-то в горле, а внутри все перевернулось от этой бесшумной, непредсказуемой жестокости. И этот борщ стал лишь началом. Вслед за ним в разные дни с балкона десятого этажа регулярно летели сковородки, кастрюли с другими супами и посуда, а в лучшем случае еда просто демонстративно вываливалась им прямо в мусорное ведро у меня на глазах.

Глава 4. Пороховой дым

Ревность мужа со временем перешагнула границы здравого смысла. Пытаясь полностью контролировать каждый мой шаг и изолировать от внешнего мира, он устроил настоящую охоту на средства связи. Из-за диких подозрений Саша один за другим разбил в щепки два моих ноутбука. Происходило это обыденно: вещь просто швырялась об пол, превращаясь в груды пластика. Перед общими знакомыми он потом с невозмутимым видом обставлял случившееся как забавную шутку: «Да ладно вам, народ, просто случайно задел, с кем не бывает». Третий компьютер мне приходилось прятать в самые неожиданные места, оберегая как зеницу ока. Он до сих пор цел у меня дома как безмолвный памятник выживания в том периоде.

Именно тогда Саша решил оформить наши отношения официально. Все произошло максимально серо, в салоне его машины, без пафоса, красивых букетов или романтического сценария из голливудских фильмов. Мы просто поднялись по извилистой дороге на возвышенность, откуда открывался панорамный вид на весь город. Он припарковался, заглушил мотор, повернулся ко мне и обычным голосом сказал: — Выходи за меня замуж. Конечно, это не походило на кадры из мелодрамы, но это было нормальное мужское предложение,

жизненное и прямое. И я согласилась, потому что мосты назад оставались сожженными моей собственной гордостью.

Но моя семья выбор категорически и наотрез не принимала. Мама и брат прекрасно предчувствовали, что этот союз принесет мне только тонны слез, трудности и боль. Они наотрез отказались присутствовать на нашей росписи. И поскольку моих самых родных людей рядом быть не могло, устраивать стандартную, пышную свадьбу со счастливой толпой гостей, белым платьем и фатой не имело для меня никакого смысла. Это было бы просто невыносимо, до ужаса больно — стоять там в одиночестве под прицелом чужих родственников. Да я и сама не видела в этом никакой нужды, глубоко внутри отчетливо понимая, что эта история вряд ли продлится долго. При этом мы ничего не пытались судорожно засекретить от общественности. Скрывать мне было абсолютно нечего, животик на тот момент был совсем маленьким, аккуратным, под свободной одеждой его никто из окружающих даже не замечал. Просто устраивать классическое торжество для галочки, без поддержки близких, не хотелось.

Для росписи мы выбрали простое, строгое серое коктейльное платье чуть выше колена, украшенное неброскими выбитыми светло-серыми цветами. Деньги на него дал Саша, обычные предсвадебные хлопоты. Платье было действительно симпатичным, но этот тусклый цвет подсознательно очень точно отражал все мои сомнения, страхи и ту удушливую тревогу, которую я тогда ежедневно носила в себе.

Еще до того, как мы отправились в ЗАГС, в нашей пустой квартире на десятом этаже появились те, кто стал для меня единственным источником безусловной, чистой любви и тепла посреди этого холода. Нам очень хотелось создать хотя бы видимость уюта, иллюзию настоящей, дружной семьи, и мы решили завести собаку. За породистым палевым лабрадором мы специально поехали в другой город к профессиональным заводчикам. Он был нашей гордостью, ожившей картинкой из красивой рекламы благополучной жизни. А чуть позже, в один из обычных вечеров, мы заметили на обочине улицы крошечный, грязный и дрожащий комочек. В темноте, по окрасу и форме мордочки нам показалось, что это потерявшийся щенок лабрадора. Мы забрали его домой, отмыли в ванне и поняли, что это обычная палевая дворняжка. Но мы уже так всем сердцем к ней привязались за эти часы, что не смогли вернуть обратно на холодную улицу. Эти две собаки — благородный породистый лабрадор и преданная маленькая дворняжка — стали моими единственными молчаливыми защитниками в этом доме. В тяжелой атмосфере квартиры они радовались мне просто так, за то, что я есть, ничего не требуя взамен. Их мокрые носы, уткнувшиеся мне под руку в минуты полного отчаяния, были лучшим лекарством от подступающей паники.

И вот наступил день нашей регистрации. Небо над городом окончательно затянуло тяжелыми свинцовыми тучами, и с самого утра хлынул унылый, проливной дождь. В ЗАГСе

все казалось ненастоящим, картонным и чужим. Из гостей были только его мама со своей дочерью и мой родной брат, который пришел исключительно ради того, чтобы молча постоять рядом, сжать мою руку и поддержать меня в этот момент. Когда регистратор попросила меня поставить подпись в книге, мои пальцы словно полностью онемели. Рука тряслась так сильно, что ручка едва не выпадала на стол. И это были не сладкие слезы невесты от избытка чувств. Это было леденящее предчувствие беды, которое сковало все мое тело изнутри. Настроения не было вообще никакого. Все происходило так, будто мы не на собственную свадьбу пришли, а просто дежурно сходили на обычную, скучную работу. Никакого торжества, никакой летящей радости. У меня не было даже элементарной фаты. Возле ЗАГСа, сразу после регистрации, мы наспех сделали пару дежурных снимков на мобильный телефон — и все. Кадры получились какими-то блеклыми, и со временем они просто затерялись. Сегодня у меня нет ни одного из этих снимков, и я даже понятия не имею, где они сейчас находятся и у кого хранятся.

Когда мы наконец вышли из тяжелых дверей ЗАГСа на улицу, сильный утренний ливень уже потихоньку уменьшился. Небо больше не обрушивало на нас потоки воды, но ливень сменился мелкой, противной и въедливой изморосью. Погода стояла максимально неприятная, липкая и сырая. Серая дымка висела над асфальтными дорожками, идеально подчеркивая всю эту бытовую серость момента. Атмосфера

вокруг была абсолютно никакой и пустой. Мы просто молча подошли к нашей серебристого цвета Мазде третьего поколения. Саша, который вообще никогда и никому не доверял вождение, сразу же привычно сел за руль. Мы просто сели в этот холодный салон, захлопнули за собой двери, отсекая серую сырость улицы, и просто поехали в сторону арендованного дома, где планировался банкет. Дворники уже не метались в панике, а лишь медленно и монотонно смахивали со стекла капли мороси, а внутри машины стояла оглушительная, глухая тишина, в которой каждый из нас думал о своем.

Праздновать это событие мы приехали в арендованный дом, но если кто-то представляет себе свадебное торжество как красивый отдых, то для меня это был очередной, изнурительный рабочий день официантки, только на чужой территории. Весь вечер я, будучи беременной, накрывала на стол, подносила горячее гостям, убирала тарелки и улыбалась через силу, натянув привычную маску. А когда ночью все наконец закончилось и гости разошлись, мы вернулись обратно в нашу квартиру на десятом этаже. Стоило переступить порог, как Сашина романтика улетучилась, а я осталась один на один с горой грязной посуды, которую привезли с собой. Спина раскалывалась, ноги гудели так, что хотелось кричать. Наша брачная ночь полностью стерлась из моей памяти — я просто без сил, как подкошенная, домыла эти тарелки, доползла до подушки и отключилась, чувствуя себя измотанной, бесплатной прислугой на чужом, чуждом мне праздни-

ке.

Календарь стремительно приближал меня к главному рубежу. Мой живот уже стал большим, тяжелым, а сумки в роддом стояли полностью собранными у двери в ожидании своего часа. Все случилось глубокой ночью, двадцать девятого марта две тысячи двенадцатого года. На часах было около двенадцати ночи, вокруг стояла мартовская темнота, когда я вдруг физически почувствовала, как внутри начал как-то странно и тянуще ныть живот. Для меня это был самый первый раз в жизни, опыта ноль, и я вообще не понимала, что со мной происходит и как ощущаются настоящие схватки. Решив перестраховаться, я разбудила спящего Сашу. Стоило ему открыть глаза и услышать, что процесс, кажется, пошел, как в квартире начался настоящий, сумасшедший хаос. Саша мгновенно впал в дикую панику, метался по комнатам как умалишенный, хватал вещи, терял ключи и совершенно не контролировал себя от запредельного волнения. Он выскочил на улицу, завел мотор, и наша Мазда на бешеной скорости полетела в роддом, потому что Саша выжимал из машины максимум. Ночные дороги были абсолютно пустыми, ни одной попутной тачки, кругом темнота. Прямо на ходу, под свист ветра за окнами, я набрала номер своего врача. Телефон ответил сразу, и спокойный, уверенный голос доктора в трубке попытался охладить этот ураган, да не спеши ты так, Ира, время еще есть, спокойно попила бы горячего чая, поела и без лишней суеты ехала ко мне. Но мы уже нес-

лись на всех парах, и я всю дорогу продолжала откровенно хохотать над безумной паникой мужа за рулем. У меня внутри стояло абсолютное спокойствие. В больнице нас встретил мой врач. Все было очень спокойно, профессионально и надежно. Кстати, это был легендарный для нашей семьи доктор — именно у этого же врача когда-то, много лет назад, родился мой родной брат.

Я рожала абсолютно сама. Без какой-либо анестезии, без обезболивающих уколов, один на один с этой разрывающей плоть болью. И за все эти бесконечные, изнурительные двадцать два часа, что тянулся мой личный марафон, я не издала ни единого звука. Железобетонно сжав зубы, я не пикнула ни разу, терпя каждую лавину боли со стальным выражением лица. Все прошло вполне терпимо, тело выдержало этот экзамен на прочность. И вот, у нас родился долгожданный, крошечный сын. Изначально я очень хотела назвать его Матвеем, но Саша был сильно против и устроил из-за этого целый протест. В итоге я выбрала имя Артём.

Через три дня нас выписали. На пороге роддома нас встречал Саша с огромным, торжественным букетом цветов и моя свекровь, которая сразу же включила свой режим контроля. Мы сели в Мазду и вернулись в нашу панельку на десятом этаже. Дома нас ждал сюрприз — пока меня не было, Саша сам все подготовил и собрал детскую кроватку в комнате. Но на этом вся его отцовская романтика быстро закончилась, и начались суровые, серые будни. С маленьким сыном я оста-

лась абсолютно одна в этих четырех стенах. Я сама его купала, сама пеленала, сама укладывала, совершенно не умея и не зная, как это делать правильно. Мне никто в этой жизни не подсказывал, не помогал и не говорил, что да как нужно делать с младенцем. Свекровь только раздавала советы со стороны, но реальную работу я тащила одна. Мне пришлось на ходу, чисто интуитивно, методом проб и ошибок учиться обращаться с собственным ребенком. Мои руки каменели от усталости, лифт на десятый этаж не работал, превращая каждую прогулку с коляской в адский физический квест вверх по ступеням. Но глядя в глаза маленького Артёма, я понимала, что обратного пути нет. Моя невидимая клетка наполнилась детским смехом, и этот звук заставлял мой внутренний стальной стержень отливаться еще быстрее.

Удушающая атмосфера в четырех стенах высотки на десятом этаже в конце концов доконала меня окончательно. Мне до безумия, до какой-то физической тошноты хотелось пространства, свободы и нормальной земли под ногами. Безумно хотелось иметь банальную возможность в любой момент просто распахнуть дверь и выйти на свежий воздух, не проходя каждый раз через этот проклятый, вечно сломанный лифт и темные пролеты панельки. На тот момент с финансами у нас все было вполне прилично, даже более чем. Саша успешно работал в органах, а я, не желая сидеть сложа руки и зависеть от его кошелька, начала всюю крутить собственный интернет-магазин одежды. Доходы позволяли нам

не экономить на комфорте, и мы приняли решение съехать из этой бетонной коробки.

Мы арендовали небольшой, но очень просторный двухэтажный частный дом. О, когда мы впервые приехали его посмотреть, у меня внутри случился настоящий, чистый восторг. Это был совершенно новый, еще пахнувший свежей строительной краской и деревом дом, но абсолютно необжитый, не успевший напитаться чужой энергетикой. Внутри стояла мебель — не какая-то там дорогая или эксклюзивная, но вполне приличная, свежая и аккуратная. Планировка после тесной панельки казалась мне верхом роскоши. На первом этаже раскинулся огромный, залитый светом зал, просторная кухня, удобные санузлы и большой, широкий балкон, где можно было пить кофе по утрам. А на втором этаже располагались целых три изолированные, светлые спальни.

Но самым главным козырем этого места было его расположение. Дом стоял на самом отшибе, буквально в глубине густого лесного массива. Воздух там был просто потрясающим, чистым, прохладным, кругом шумели деревья, а соседей вокруг не было вообще. В первые дни этот загородный оазис дарил мне невероятное ощущение покоя и передышки. Меня безумно радовало, что свекровь теперь осталась жить чуть дальше, в своем районе, и больше не могла контролировать каждый наш шаг и устраивать свои ежедневные проверки. Но у этой лесной изоляции была и обратная сторона. По ночам, когда вокруг нашего дома ложилась лесная ти-

шина, а за окнами скрипели ветки, мне подсознательно становилось жутко. Это уединение одновременно и дико восхищало, и пугало своей отрезанностью от остального мира.

Пока Саша целыми днями пропадал на своей службе, а маленький Тёма мирно спал в одной из спален на втором этаже, я полностью уходила в работу. Мой интернет-магазин одежды требовал колоссальной концентрации. Самое интересное, что у меня вообще не было никакой усталости или выгорания. Наоборот, эта ночная деятельность у монитора в огромном пустом зале на первом этаже давала мне мощнейший заряд адреналина и азарта. По сути, я занималась даже не банальными продажами, а сложнейшей интернет-рекламой, настраивая кампании методом тыка. В то время крутить такой бизнес было непросто. Чертовски трудно было найти реальных клиентов, которые согласятся отдать свои кровные деньги за вещи и потом покорно, без лишних вопросов будут ждать доставку целый месяц. Логистика и поставки из-за границы были невероятно долгими, затяжными, и удержание людей требовало от меня настоящей деловой хватки. Но когда все получалось и клиенты шли, я ловила такой кайф от собственной независимости, что все остальное казалось мне пустяком.

Правда, свекровь все равно находила лазейки в нашем доме. Да, она жила дальше, но стоило ей приехать, как границы нашего дома стирались. Она по-прежнему открывала входную дверь своим собственным ключом, заходя без стука и

предупреждения, как к себе домой. Физически этот внезапный скрежет замка внизу всегда заставлял меня внутренне напрячься. Свекровь по-хозяйски проходила в дом и прямо с порога, пока я крутилась с Тёмой или мыла посуду, принималась раздавать свои фирменные житейские советы.

— Мужчина — это пластилин, Ира, — со знанием дела поучала она меня своим монотонным голосом. — Ты женщина, ты должна мягко его направлять и лепить из него то, что нужно тебе. Самое поразительное, что во всех Сашиных закидонах, его вспышках ярости и тяжелом характере она винила исключительно меня. Плохо леплю, видимо, не по ее стандартам.

Но все эти бытовые придирки и визиты оказались просто невинными цветочками. Настоящий кошмар начался чуть позже — когда вся наша сытая, благополучная и понятная жизнь рухнула буквально в одночасье. На службе у Саши начались серьезнейшие, затяжные проблемы. Нагрянули жесткие ведомственные проверки, тучи над его головой сгустились с каждым божьим днем, и психологическое напряжение в нашем доме росло на глазах. Точка невозврата наступила в один из дней, когда его опытный, проверенный напарник по службе улучил момент и тихо, с глазу на глаз выдал мне страшную правду: — Ира, повлияй на мужа, ради бога, его посадят, — жестко сказал он. — Если он прямо сейчас сам не уйдет и не напишет рапорт, его просто закроют в тюрьму, его сожрут. От этих слов у меня внутри просто все оледене-

ло от ужаса. Реальный тюремный срок для мужа — этого я боялась до жути. Включив все свое красноречие, я устроила тяжелейший ночной разговор, плакала, умоляла, давила на него и убеждала Сашу уйти по-хорошему, пока не поздно. Он в итоге сдался, сломался под моим напором и написал рапорт об увольнении. Но на гражданке Саша сломался окончательно и бесповоротно. Лишившись своих погон, власти, статуса человека в форме и этой ведомственной неприкосновенности, он полностью потерял всякие ориентиры в жизни. Его уязвленное, раздутое до небес самолюбие и гордыня просто не позволяли ему пойти на самую обычную, земную работу со средним заработком. Работать как все нормальные люди для него было ниже своего достоинства. И он просто сел дома, высокомерно отказываясь от любых недостойных его персоны вариантов. Его характер в этих больших необжитых комнатах стал еще более давящим, агрессия накапливалась, а зловещая тишина в доме посреди леса с каждым днем становилась все более осязаемой и опасной.

После увольнения Саши из органов мы покинули наш загородный дом в лесу и вернулись обратно в квартиру. Мы въехали в ту же самую военную высотку, с которой когда-то начиналась наша семейная жизнь, только теперь сняли совершенно другую квартиру — просторную, трехкомнатную, с действительно отличным, свежим и дорогим ремонтом. Но для меня это возвращение не было шагом вперед. Квартира находилась в том же самом доме, где жила моя свекровь. Ло-

вушка захлопнулась с новой силой: я снова оказалась в самом эпицентре ее ежедневного контроля, прямо под боком у матери мужа, которая теперь могла контролировать каждый наш шаг буквально через стенку.

Наш вынужденный переезд обратно в высотку сопровождался тяжелыми бытовыми сложностями. Поскольку в лесной усадьбе еще оставалась приличная часть наших вещей, забирать их приходилось постепенно. Оставить дом абсолютно пустым мы побоялись, опасаясь, что его просто-напросто обнесут местные воры. Поэтому мы приняли решение разлучить наших животных: маленькую преданную дворняжку мы забрали с собой на десятый этаж, а нашего любимого палевого лабрадора оставили охранять участок. Саша дважды в день мотался на дом, чтобы покормить пса и проверить порядок.

Все оборвалось на третий день. Саша вернулся из этой поездки совершенно невменяемым — он буквально зашел в квартиру в слезах, раздавленный и плачущий навзрыд. Оказалось, что соседи, которые жили в том районе, зачем-то выпустили со своего двора огромных, агрессивных собак, и те, сорвавшись с цепей, перемахнули через наше ограждение и залезли во двор. Нашего лабрадора загрызли прямо на месте, без шансов на спасение. Для Саши, который при всей своей жесткости искренне любил этого пса, гибель животного стала страшным ментальным ударом. Но самый тихий, пронзительный ужас начался дома. Наша маленькая дворняжка,

оставшись в квартире, будто уловила это страшное известие на каком-то подсознательном уровне. Она впала в глубочайшую депрессию, целыми днями неподвижно лежала на коврике в углу и отказывалась от еды. Я своими глазами видела, как из ее глаз катились самые настоящие, крупные собачьи слезы. Она понимала абсолютно все. Через пару недель, полностью иссохнув от этой невыносимой тоски по погибшему другу, она тоже тихо умерла у нас на руках. Потеря обеих собак за такой короткий срок превратилась в колоссальный, удушающий стресс для всей нашей семьи. Сашина психика, и без того расшатанная потерей погон, окончательно дала глубокую трещину.

В тот самый злополучный день мы даже не ссорились. Между нами уже давно не было громких скандалов — после смерти собак мы вообще практически перестали общаться, существуя в квартире как два абсолютно чужих, безмолвных призрака. Тяжелая тишина в комнатах давила на уши. Наступила ночь. Саша по привычке закрылся один на нашей новенькой, отремонтированной кухне и в полной темноте глушил пиво, уходя в свой стеклянный, невидящий анабиоз. Я, измотанная дневными заботами с Тёмой, долго не могла уснуть, ворочаясь в постели. Посреди ночи я встала, чтобы дойти проверить ребенка, и тихо пошла по темному коридору.

Грохот раздался ровно в ту секунду, когда я поравнялась с кухонным проемом. Оглушительный, раскатистый выстрел

из охотничьего ружья буквально встряхнул стены нашей высотки. От этого звука у меня перехватило дыхание, а сердце мгновенно улетело куда-то в пятки. В квартире пахло едким пороховым дымом, а по ногам больно полоснуло веером разлетевшихся осколков. Заряд дробы в упор прошил новенький холодильник и с мясом выдрал кусок бетонного пола под дверью, швырнув в меня месиво из бетона. Каменное оцепенение сковало все тело, а к внутренностям подкатила тошнота от этого внезапного, ледящего безумия. Саша стоял посреди кухни в сизом, удушливом тумане. В руках у него было огнестрельное оружие, а взгляд, устремленный в развороченный пол, казался диким. Маленький Тёма в соседней комнате даже не проснулся — его спас крепкий младенческий сон, но эти летящие мне по ногам осколки в одну секунду разнесли остатки моей сломанной семейной жизни.

Самое странное, что этот выстрел подействовал на Сашу как ледяной душ. Увидев меня на пороге, он словно мгновенно протрезвел, наткнувшись глазами на результаты собственного безумия. На его лице впервые за многие месяцы отразился неподдельный, дикий испуг — он сам до смерти испугался того, что только что натворил в этой минутной вспышке ярости. Он медленно опустил ружье, посмотрел на меня своими внезапно ставшими осмысленными глазами и тихо, но очень твердо произнес фразу, которая отпечаталась в моей памяти навсегда: — Собирай ребёнка и уезжайте. Прямо сейчас. Дважды повторять мне было не нужно.

Пелена с моих глаз спала в ту же секунду — я отчетливо поняла, что если останусь здесь хотя бы еще на один день, это закончится настоящей трагедией. В абсолютном, лихорадочном безмолвии я кинулась в спальню, судорожно швыряя в сумки детские вещи, памперсы и документы. Руки тряслись мелкой дрожью, но в голове горела одна единственная, четкая мысль: бежать. Я набрала номер своего родного брата, и, услышав мой сорванный, испуганный шепот, он без лишних вопросов коротко бросил в трубку: «Выезжаю».

Брат приехал к нашей высотке на самом рассвете, когда серое утреннее небо только начинало светлеть над панельками. Мы бегом тащили сумки вниз по лестнице. Саша вышел следом за нами на крыльцо дома. Перед тем как отпустить меня, он молча, без лишних слов сунул мне в ладонь триста рублей — это была вся его «помощь», все деньги, с которыми я уезжала с маленьким ребенком на руках. Он стоял там, на фоне утренней сырости, как каменное, безжизненное изваяние — молчаливый, бледный, с опущенными руками. Он просто неподвижно смотрел на то, как мой брат грузит наши вещи в багажник машины, как я бережно прижимаю к себе спящего Тёму. Саша не сделал ни единой попытки подойти, извиниться, остановить меня или забрать ребенка. Он проводил нас своим тяжелым, мертвым взглядом, пока машина не сорвалась с места. Мы уезжали обратно в безопасный дом к моей маме, и глядя на удаляющийся силуэт высотки в окне заднего вида, я впервые за много месяцев сделала глубокий,

чистый вдох, твердо зная, что в эту клетку я больше не вернусь никогда.

Глава 5. План маневра

Когда машина брата наконец затормозила у маминого дома, меня накрыло странное состояние. Моральное истощение смешалось с чистой, почти детской радостью. Мы с Артёмом наконец-то находились в безопасности. Больше никакой ледяной ярости мужа, ночных погромов и глухого страха за завтрашний день. Самой мамы дома не оказалось — она как раз уехала работать в горы вахтовым методом на две недели. На той высоте мобильная связь не ловила вообще, поэтому она даже близко не догадывалась, что ее дочь с трехлетним ребенком только что сбежала от вооруженного безумия. Я осталась в пустом доме один на один со своей новой реальностью.

Чтобы вы понимали масштаб катастрофы: Тёме только исполнилось три года, подгузники улетали со скоростью света, а стоили они приличных сумм. Эти две недели стали жесткой школой выживания. Мы питались исключительно тем, что я находила в маминых закромах: крупы на полках, старые закатки в банках, какие-то остатки на дне морозилки. Я экономила каждую крошку и высчитывала в уме баланс до копейки. Попросить о помощи окружающих гордость не позволяла. Мама не на связи, брат помог чем смог, а идти к знакомым девчонкам и рассказывать, что мне элементарно

нечем кормить ребенка, было невыносимо стыдно. И все же, вопреки этой нужде и пустой каше на завтрак, родные стены дарили покой. Мое утро теперь начиналось с тишины.

При этом меня накрыла жуткая, парализующая паранойя. Я панически боялась даже просто выйти за калитку на улицу и дойти до ближайшего продуктового магазина. Мне казалось, что Саша караулит меня за каждым деревом, следит за каждым моим шагом и прямо сейчас выскочит из-за угла, чтобы силой отобрать у меня Тёму. Из-за этого страха я неделями безвылазно сидела в четырех стенах, вздрагивая от любого скрипа половицы. У нас даже толком не было нормальной одежды с собой — мы ведь рассчитывали в спешке, что бывший муж нам привезет оставшиеся вещи.

Правда, Сашино семейство не собиралось оставлять нас в покое. Практически сразу начался жесткий телефонный штурм. Саша звонил без остановки, умолял вернуться и клялся, что тот случай с ружьем был ошибкой. В один из дней к нашему двору приехала свекровь. Я наивно надеялась, что она привезет внуку хотя бы базовый набор продуктов — молока, хлеба или пачку детской смеси. Но свекровь даже не зашла в дом. Она остановилась у калитки и с гордым, благодетельным видом протянула мне огромный мешок дешевых кукурузных палочек: — Вот, Ирочка, Тёме гостинец от бабушки. Я смотрела на этот копеечный сладкий фаст-фуд, понимая, что в кармане ровно ноль, и чувствовала, как внутри все каменеет. Это выглядело как циничное издева-

тельство над нашей ситуацией. Я молча сжала зубы, приняла пакет, защелкнула замок калитки и мысленно пообещала себе: я выстою и поднимусь назло вам всем.

Когда мама наконец вернулась с вахты и увидела меня — похудевшую, бледную, с темными кругами под глазами, она замерла на пороге. Я захлеб рассказала ей про выстрел, пробитый холодильник и Сашины триста рублей. Мама пришла в ужас, но проявила мудрость. Она сразу же поехала в магазин и купила нам с Тёмой кучу нормальных вещей, которых нам так не хватало после побега. Видя, что я все еще нахожусь на грани срыва и боюсь каждого шороха, мама настаивала, чтобы я на пару дней уехала к близким друзьям в другой город, просто сменить обстановку. И это сработало. В чужих декорациях я смогла сделать первый нормальный вдох и поняла: кошмар закончился, сын со мной, мы прорвемся.

Радость от возвращения домой постепенно сменилась бытовым приземлением. Я начала отчетливо понимать, что долго оставаться здесь не смогу. Мы с мамой безумно любили друг друга, но ужиться двум взрослым женщинам на одной территории — это был тот еще квест. У нас вообще не совпадали ценности, мы совершенно по-разному смотрели на быт и на воспитание ребенка. Из-за этого на кухне то и дело вспыхивали споры. Чтобы сохранить теплые отношения и вернуть себе самостоятельность, мне нужно было уходить, но прежде требовалось разгрести хаос в жизни. Сначала я приложила титанические усилия, чтобы устроить трех-

летнего Тёму в детский сад. Когда заветная путевка наконец оказалась у меня на руках, внутри чуть-чуть отпустило — появился первый плацдарм для маневра.

И вот, когда с садиком вопрос решился, я пошла восставать в институт. Сделала я это исключительно под диким давлением мамы. Сама я никогда не держалась за эту учебу, душа к ней не лежала вообще. Мне безумно хотелось заниматься рекламой и креативом, но в нашем городе такого направления тогда попросту не существовало. Мама же жила своими старыми устоями и свято верила, что высшее образование — единственный путь к стабильности. Чтобы успокоить ее измотанные нервы, я пошла на компромисс и поступила в другой вуз на чуждые мне экономические дисциплины. Я ходила на пары без малейшего интереса, как робот. Меня хватило ровно на одну сессию, которую я сдала просто для галочки. Корочки мне по сей день ни разу в жизни негодились, да я в итоге так ничего там и не окончила. Реальность требовала не зачеты сдавать, а банально выживать.

Учебу нужно было оплачивать и содержать Тёму. В кошельке по-прежнему гулял тоскливый ветер. От безысходности я попыталась устроиться на работу прямо в стенах этого института. Я буквально умоляла руководство взять меня кем угодно — хоть секретарем на какую-нибудь пыльную кафедру, хоть обычной уборщицей с тряпкой. Мне до смерти нужна была любая стабильная копейка, чтобы вовремя платить за садик. Но мне жестко отказали — все места были заняты.

Тогда я зарылась в объявления и начала в панике искать другие варианты. Вдруг наткнулась на вакансию в агентстве недвижимости, где крупными буквами обещали твердый, гарантированный оклад — 25 000 рублей. Для меня тогда это были просто огромные деньги, и я мертвой хваткой вцепилась за этот шанс. Но на первом же собеседовании меня ждал облом. Выяснилось, что меня банально обманули для привлечения внимания: никакой вакансии с окладом в природе не существовало, а работать предлагалось исключительно за процент от будущих сделок. Я жестко, со всей своей гордостью отказалась от таких условий. Наверное, я бы просто ушла и разрыдалась на улице, но собеседование проводила руководитель отдела продаж Ольга Ивановна — удивительно теплая и мудрая женщина. Почувствовав ко мне человеческую симпатию, она тихо сказала мне вслед: «Попробуй все-таки перезвонить. А если совсем ничего не наладится — просто приходи ко мне в отдел».

Ее слова прямо запали мне в душу. Прошла неделя, ситуация дома становилась критической, и я решилась на отчаянный, абсолютно наглый шаг. Надев свою единственную приличную блузку болотного цвета, я без всякого предупреждения пришла прямо в офис агентства. Нашла отдел Ольги Ивановны, послушав ее, спокойно села за первый же свободный стол и просидела так полдня, делая вид, что так и надо, пока дожидалась директора. Когда руководитель наконец появился в дверях, он в полном недоумении остановил-

ся перед моим столом и нахмурился: — Вы вообще кто? Я посмотрела на него прямо, открыто и дерзко. Мой безумный поступок его не разозлил — напротив, он мгновенно оценил эту настойчивость и мой стальной характер. Ему в бизнесе нужен был именно такой пробивной человек, который не боится закрытых дверей. Он внимательно оглядел меня с ног до головы и вдруг спросил с усмешкой: — А почему ты в такой грустной, темной одежде? Я растерялась и даже не знала, что ответить — в тот момент мне было совсем не до ярких нарядов, я думала, где взять средства на жизнь. Следующим вопросом он спросил, сколько я вообще хочу зарабатывать? — Двадцать пять тысяч, — ответила я, ориентируясь на сумму из обманчивого объявления. Директор только покачал головой, строго посмотрел на меня и произнес фразу, которую я запомнила на всю жизнь: — Нет. Больше даже не думай о таких маленьких цифрах. Ты должна планировать совсем другие, гораздо большие суммы. Никогда не бойся заявлять о большем. Он принял меня на работу в тот же день, сделав единственным сотрудником в отделе с гарантированным, твердым окладом. Он в первый же час преподал мне важнейший жизненный урок: ценить себя, свой потенциал и никогда больше не соглашаться на жалкие крохи. Мой личный локомотив карьеры тронулся с места.

Глава 6. Рекламный марафон

Ольга Ивановна не просто дала мне работу — она, сама того не ведая, заложила во мне фундамент на всю оставшуюся жизнь. Самой рекламе она меня не учила. Она научила меня кое-чему гораздо более ценному — колоссальной работоспособности и умению находить выход абсолютно из любой ситуации.

У нее никогда не было такого понятия, как «безнадежный клиент» или «безвыходное положение». Из любой точки она всегда находила решение. И этот навык я несу с собой до сих пор.

Но главное — она была человеком безграничной души. Со мной и с каждым сотрудником в агентстве Ольга Ивановна общалась как настоящая мамочка. Мы делились с ней не только небольшими проблемами, но и всем, что болит в душе. Она всегда искренне погружалась в жизнь каждого, выслушивала, сопереживала и старалась помочь всем, чем только могла.

Мы общаемся с ней по сегодняшний день. И каждый раз, сталкиваясь с очередным жизненным или бизнес-вызовом, я вспоминаю ее уроки и выражаю ей искреннюю, безграничную благодарность.

С самого первого дня работы в агентстве завертелся такой

мощный рабочий марафон, что у меня буквально открылось второе дыхание. Мы совместно с директором и Ольгой Ивановной пробовали абсолютно разные задачи, нащупывая, где я смогу выдать максимум. И я нашла свою золотую жилу — с головой ушла в рекламу. Эта сфера манила меня нереально, а новые знания я впитывала как губка. Начался, пожалуй, самый азартный период моей жизни. Я работала вообще без выходных, в режиме двадцать четыре на семь. Днем выполняла текущие задачи в офисе, а ночами напролет сидела у монитора. Сама, буква за буквой, методом тыка училась настраивать рекламные кампании. Мой сон сократился до каких-то жалких трех часов в сутки. Из этого полусна меня каждое утро вырывал противный звонок будильника, и я снова летела в офис. В таком бешеном ритме времени на институт просто физически не осталось. Рисковать единственной работой, которая реально кормила моего сына, ради нелюбимого вуза я не могла и не стала. На этой учебе была окончательно поставлена жирная точка.

Параллельно за стенами офиса продолжался мой личный изнурительный ад. Саша категорически не собирался оставлять меня в покое и давать мне спокойно дышать. Начался затяжной, изматывающий кошмар с преследованиями, караулом у маминого дома и бесконечными угрозами в трубку. Он регулярно звонил по ночам и ледяным тоном обещал забрать Тёму, лишит меня родительских прав и стереть меня в порошок. Пытаясь запугать меня окончательно и разда-

вить морально, чтобы я приползла обратно, он решил сыграть на опережение и пошел в юридическую атаку, сам подав заявление на развод и определение места жительства ребенка. Чтобы картинно продемонстрировать суду свое мнимое благородство и чистую совесть, он одновременно сам на себя подал на алименты. Мол, смотрите, какой я образцово-показательный отец, сам горю желанием содержать ребенка. Разумеется, все его бумажное благородство испарилось ровно в ту секунду, когда судья ударил молотком — никаких реальных денег Саша мне, естественно, не платил.

Эти судебные тяжбы отнимали у меня последние крошечные силы, я ходила туда как на казнь, а телефон просто разрывался от его бесконечного психологического прессинга. Накануне очередного заседания, когда внутри уже просто не осталось ресурсов терпеть этот непрекращающийся страх, я зашла в церковь. Я стояла там одна у икон и просто искренне, со слезами просила Бога, чтобы весь этот затянувшийся кошмар наконец-то закончился, и нас с сыном оставили в покое.

Произошло настоящее чудо. Ровно на следующее утро мой телефон, который до этого не умолкал ни на час, внезапно стал абсолютно ручным и тихим. Он просто замолчал. Вся эта лавина угроз и преследований испарилась в один миг, а сам бракоразводный процесс в суде после этого прошел на удивление спокойно и ровно. На заседании я твердо, со стальным выражением лица стояла на своем. В итоге закон

оказался на моей стороне: суд я выиграла подчистую, и Тёма официально остался жить со мной. Главную, самую важную победу в своей жизни я одержала — мой ребенок был со мной, в моих руках.

Ровно через месяц настал день Икс — моя первая настоящая зарплата. Когда я держала в руках эти долгожданные двадцать пять тысяч рублей, у меня внутри все ликовало. Я не побежала покупать себе шмотки, которых у меня почти не осталось после побега. Я не стала откладывать их на будущее. Я привезла всю эту сумму до копейки к маме в дом. Я потратила эти деньги подчистую на то, о чем мама так давно просила, но сама не могла себе позволить. Полностью оплатила и организовала замену старых, разошедшихся деревянных рам на новые пластиковые окна во всем доме, а еще заказала большой, красивый шкаф в прихожую. В моих карманах снова гулял тоскливый ветер, но для меня это был принципиальный, жизненно важный шаг. Я закрывала свой внутренний долг за те недели, что мы с Тёмой жили на ее запасы круп. Но главное — этим поступком я раз и навсегда лишала маму возможности упрекнуть меня в будущем или сказать свысока свое любимое: «А я же тебе говорила!». Я справилась. Окна стояли, шкаф был заказан, мой тыл был чист, и никто больше на свете не имел права усомниться в моей силе. И сразу же после этого, окончательно зафиксировав свою независимость, я сделала следующий шаг — сняла комнату в общежитии.

Переезд в общежитие стал для нас с Тёмой настоящим пересечением личной границы, за которой начиналась полная, ни от кого не зависящая свобода. Эту комнату сдавал мой близкий товарищ, поэтому с арендой все решилось быстро и без лишней бумажной волокиты. Пространство было крошечным — всего двенадцать квадратных метров, старый скрипучий паркет, раковина в углу и вечно урчащий холодильник. Но когда я занесла туда наши немногочисленные сумки и закрыла за собой хлипкую дверь, у меня внутри впервые за долгое время воцарился покой. Это были наши личные двенадцать метров. Здесь не было чужих вещей, не было удушающего контроля свекрови, маминых упреков и вечного страха перед непредсказуемым мужским безумием. Я была здесь абсолютной хозяйкой.

Наш новый быт обустроивался на ходу. Каждую свободную копейку я тратила на то, чтобы превратить эту спартанскую конуру в уютное семейное гнездышко для сына. Мы вместе выбирали яркие шторы, раскладывали его игрушки на полках и создавали свою маленькую, закрытую от всего мира вселенную. Тёма быстро привык к новому месту, его смех заполнял все пространство комнаты, и этот звук окончательно выжигал из моей памяти остатки прошлого.

Однако за порогом общежития меня ждал суровый, изнурительный марафон. Детский сад, куда с таким трудом удалось выбить путевку, находился на самой вершине крутой горы. Каждое мое утро превращалось в жесткий физический

квест. Будильник безжалостно звенел в половине шестого утра. Я лихорадочно собирала сонного Тёму, и мы выходили в утреннюю сырость. Начинался изматывающий, тяжелый подъем на гору. Зимой, в гололед, сквозь пронизывающий ветер и метель, этот склон превращался в настоящее испытание на прочность. Я буквально ползла по этой обледенелой тропинке в дикий холод, преодолевая каждый метр и изо всех сил удерживая за руку Тёму, чтобы мы оба не покатались вниз. И самым отвратительным в эти минуты было то, что Саша прекрасно знал наш график. Не раз и не два бывали утренние моменты, когда мы в мороз из последних сил карабкались по этому склону, а он в тепле своей машины цинично и демонстративно проезжал прямо мимо нас, обдавая нас дорожной пылью и выхлопными газами. Он просто смотрел на наши мучения из окна и ехал дальше. Внутри все клокотало от обиды и злости, но этот цинизм только заставлял меня еще сильнее сжимать зубы и упрямо шагать вверх. Мы успевали до закрытия ворот вопреки всему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.